

ВАЛМЕН ХАЛЛАП (Таллин)

ЕДИНИЧНЫЕ И ДВОЙНЫЕ СМЫЧНЫЕ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Рассмотрим три группы финно-угорских слов.

Пример первой группы: фин. *sappi* (генитив *sapen*) 'желчь', норв.-саам. *sǎppi* (комитатив *sǎppin*), швед.-саам. *sǎppē* (генитив *sǎppē*), лив. *zāp* (мн. ч. *zāppīd*), вепс. *sap* (генитив *sapin*), эрз. *seǰe*, удм. *sep*, коми *sep*, манс. *tāp*, венг. *epe*.

Примеры второй группы: а) фин. *repo* (генитив *revon*) 'лиса', южно-саам. *rēpi*, лив. генитив *rebiz* (номинатив *re'bbi*), вепс. *rebō* (адессив *rebōl*), эрз. *rives*, мар. *rəβəž*, удм. *džiŋši*, коми *rutš*, венг. *ravas* 'хитрый'; б) фин. *sata* (генитив *sadan*) 'сто', норв.-саам. *tšūšotē* (генитив *tšūšoti*), швед.-саам. *tšuočte* (генитив *tšuočte*), лив. *sadā* (мн. ч. *sadān*), вепс. *sada* (инструктив мн. ч. *sadōn*), эрз. *šado*, мар. *šüđö*, удм. *šu*, коми *šo*, манс. *sāt*, хант. *sāt*, венг. *száz*.

Примеры третьей группы: а) фин. *kivi* 'камень', лив. *ki'uv*, вепс. *kivi*, эрз. *kev*, мар. *kü, küi*, удм. *kö* 'жернов', коми *iz-ki*, манс. *käβ* 'камень', хант. *keü*, венг. *kő* (аккузатив *követ*); б) фин. генитив *ytimen* (номинатив *ydin*) 'мозг', норв.-саам. генитив *ǎđđä'm* (номинатив *ǎ'dđä*), швед.-саам. *atām* (генитив *atāma*), эрз. *udem(e)*, мар. *βem*, удм. *vim*, коми *vēm*, манс. *βeləm*, хант. *uēləm*, венг. *velő*. (О приведенных примерах см. J. Szinnyeи, Magyar nyelvhasznítás, Budapest 1927; L. Kettunen, Livisches wörterbuch, Helsinki 1938; L. Kettunen, Lõunavepsa häälik-ajalugu I. Vokaalid; II. Konsonandid (= ACUT В II₂; III₄), Tartu 1922 — в конце работы имеется указатель слов. В приведенных выше саамских примерах *o ≈ h*.)

Существуют три теории о первоначальном облике согласных в середине этих слов:

	I теория	II теория	III теория
1. <i>sappi</i> ... и др.	*pp, *tt, *kk	*p, *t, *k	*p, *t, *k
2. <i>repo</i> ... и др.	*p, *t, *k	*b, *d, *g	*w, *δ, *γ
			↑ ↓
3. <i>kivi</i> ... и др.	*β, *δ, *δ'	*β(*w), *δ, *δ'	*w, *δ ² , *δ'

¹ Текст доклада, прочитанного на Всесоюзной конференции по финно-угроведению в июне 1965 г. в Сыктывкаре, с некоторыми дополнениями. См., кроме того: В. Халлап, Единичные и двойные смычные в финно-угорских языках. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Сыктывкар 1965. Тезисы докладов, Таллин 1965, стр. 17—18; V. Hallar, U. Tedre, II rahvusvaheline fennougristide kongress. — КК 1965, стр. 698—699; а также: E. Itkonen, Zur finnisch-ugrischen Lautforschung. — Martinus Fogelius Hamburgensis Gedächtnis-Symposion 1968, стр. 37—39 (изданный на множительном аппарате).

По первой, «классической» теории², в финно-угорском праязыке среди других имелось три ряда согласных, фонологически отличающихся друг от друга: 1) глухие двойные смычные *pp, *tt, *kk (ср. выше фин. *sappi*, а также *sitta* 'экскременты', *lykkää-* 'толкать', *rokka* 'гороховый суп' и др.); 2) глухие единичные смычные *p, *t, *k, а также сибиллянты *s, *ś, *š, ? ś (ср. выше фин. *repo*, *sata*, а также *joki* 'река' и др.); 3) звонкие щелевые, как *β (или *w), *ð и *ð' (ср. выше фин. *kivi*, *ytime-* и др.).

Вариантом первой теории является точка зрения П. Аристэ.³ По его мнению, в упомянутой второй группе слов первоначальными могли быть не сильные глухие смычные *p, *t, *k, а слабые глухие смычные *b, *d, *g (как в современном эстонском языке: *rebane* = *revâne* 'лиса', *sada* = *savà* 'сто' и т. д.).

По второй теории, в отношении первой группы слов (фин. *sappi* и др.) приходится исходить не из двойных смычных (как по первой теории), а из глухих единичных смычных *p, *t, *k; в отношении второй группы слов (фин. *repo*, *sata* и др.) — не из единичных глухих смычных *p, *t, *k, а из звонких смычных *b, *d, *g (или же из слабых глухих смычных *b, *d, *g); в отношении третьей группы слов — по-прежнему из звонких щелевых. И по первой и по второй теориям, фонологические оппозиции в финно-угорском праязыке оказались бы в основном одними и теми же. Изменилось бы лишь наше представление о том, какие фонемы являются носителями этих оппозиций и какова их фонетическая реализация (т. е. аллофоника). Сторонником второй теории одно время был Э. Н. Сетяля.⁴ По мнению Э. Н. Сетяля, *b, *d, *g могли быть звонкими или же слабыми глухими смычными (*b, *d, *g; ср. в этом отношении с точкой зрения П. Аристэ).

В. Штейниц выдвинул третью теорию, еще более радикально отличающуюся от первой.⁵ Как по второй, так и по третьей теории, в нашей первой группе слов первоначально встречались не глухие двойные смычные, а глухие единичные смычные *p, *t, *k (в последнем варианте теории В. Штейница — полудолгие *p̃, *t̃, *k̃⁶). В словах второй группы

² Напр., J. Szinnyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Berlin—Leipzig 1922, стр. 29 и сл.; J. Szinnyei, *Magyar nyelvhasonlítás*, Budapest 1927, стр. 33 и сл.; E. Itkonen, *Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen*. — FUF XXIX 1946, стр. 255—256; E. Itkonen, *Suomalais-ugrilaisen kantakielen äänne- ja muotorakenteesta*. — Vir. 1957, стр. 6; B. Collinder, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Stockholm 1960, стр. 77 и сл.; B. Collinder, *An Introduction to the Uralic Languages*, Berkeley and Los Angeles 1965, стр. 83 и сл.; Gy. Lakó, *A magyar hangállomány finnugor előzményei* (= *Nyelvtudományi Értekezések*, 47. sz.), Budapest 1965, стр. 34 и сл.; P. Hajdú, *Bevezetés az uráli nyelvtudományba* (a magyar nyelv finnugor alapjai), Budapest 1966, стр. 44 и сл., 97 и сл.; E. Itkonen, *Zur finnisch-ugrischen Lautforschung*, стр. 37 и сл.

³ P. Ariste, *Läänemere keelte sõnasiseste üksikulghäälikute olemusest*. — ETAT ÜS VIII 1959, стр. 425—431, особенно стр. 429; ср. также с точкой зрения, выраженной в ранних работах Э. Н. Сетяля (ниже).

⁴ E. N. Setälä, *Yhteissuomalainen äännehistoria I, II*, Helsingissä 1899, стр. 122—123.

⁵ W. Steinitz, *Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus* (= *Separatum ex Actis Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis. Series B. Linguistica I* 1952). (Рецензия на работу В. Штейница: M. Sz. Kispál. — NyK LIV 1953, стр. 294—298.) Ср. сейчас также: W. Steinitz, *Konsonantenquantität im Finnougrischen*. — CSIFU I, стр. 502—508.

⁶ W. Steinitz, *Konsonantenquantität im Finnougrischen*, стр. 503.

отражались бы не первоначальные глухие смычные, не первоначальные звонкие смычные, а первоначальные звонкие щелевые: *w, *δ, *ɣ. (Что касается сибилантов, то, по В. Штейницу, они были глухими — как и по классической теории: *s, *ś, *š.) В словах третьей группы также встречались бы звонкие щелевые: *w, **δ*², **δ*¹.

По первой, классической теории, в случае рассматриваемых звуковых соответствий первоначальное положение вещей сохранилось бы прежде всего в таких прибалтийско-финских языках, как финский, а также в саамском языке, в то время как в других финно-угорских языках в основном произошло бы сокращение, ослабление как двойных, так и единичных смычных, а также озвончение, спондизация или выпадение единичных. А по второй и третьей теориям, произошло как раз обратное: именно прибалтийско-финские (типа финского) и саамский языки подверглись существенным изменениям — удлинению, отвердению согласных.

Отметим также, что, по Д. Дечи, «не исключается, что согласные *k*, *p* и *t* между гласными произносились как *ɣ*, *β* и *δ*. Имелась ли в языке корреляция количества [или генимации], это нам неизвестно; предполагают все-таки, что *k*, *p* и *t* имели долгие соответствия, т. е. *kk*, *pp* и *tt*.»⁷

Теория В. Штейница нашла отражение также в некоторых трудах советских финно-угроведов, например В. И. Лыткина.⁸ Т.-Р. Вийтсо тоже берет за основу или теорию В. Штейница, или же упомянутую вторую теорию.⁹

В связи с точкой зрения Т.-Р. Вийтсо коснемся одного дополнительного вопроса. Как известно, среди прибалтийско-финских языков также имеются языковые области, где вместо глухих единичных смычных (как в финских словах *repo*, *sata* и др.) встречаются звонкие единичные смычные. Сюда относятся вепский и ливский языки (см. выше вепс. *rebõ*, лив. генитив *rebiz*, вепс. *sada*, лив. *sadà*), а также некоторые карельские, ижорские и южноэстонские диалекты. Кроме того, в вепских диалектах вместо глухих двойных смычных (как в финском слове *sappi*) встречаются глухие единичные согласные (см. выше *sap*). По классической теории, во всех упомянутых языках мы также имеем дело с относительно поздним сокращением, ослаблением, озвончением смычных.¹⁰ В. Штейниц не затронул вопроса о том, сохранилось ли, по его мнению, в этих областях прибалтийско-финских языков, наоборот, более первоначальное положение. А Т.-Р. Вийтсо прямо утверждает, что нет никаких доказательств тому, что в упомянутых прибалтийско-финских диалектах (Т.-Р. Вийтсо называет вепский и ливский языки, карельские и ижорские диалекты) *b*, *d*, *g*, а также *z* не возводятся прямо к более раннему периоду прибалтийско-финского праязыка (отметим, что, по В. Штейницу, в финно-угорском праязыке звонкий *z* отсутствовал). В нашей первой группе слов (фин. *sappi*, вепс. *sap* и др.), по Т.-Р. Вийтсо, исходными фонемами приходится считать сильные фонемы *p, *t, *k

⁷ Gy. Décsy, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden 1965, стр. 156.

⁸ В. И. Лыткин, Краткий этимологический словарь воетонофинских языков. (Финно-угорский фонд). Проспект-макет, Москва 1964, стр. 6.

⁹ T.-R. Viitsso, Tüvelisest astmevaheldusest (eriti eesti keeles). — ESA VIII 1962, стр. 58.

¹⁰ Ср., напр., В. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, стр. 77—78, 98; В. Collinder, An Introduction to the Uralic Languages, стр. 83.

(и *s), «которые могли произноситься *[p ~ p̄ ~ p̄p̄ ~ pp̄ ~ p̄p̄] и т. д., т. е. и геминатами». ¹¹

Но как бы ни было с теорией В. Штейница в общем, во всяком случае звонкость шумных согласных, которая встречается в упомянутых прибалтийско-финских языках, является вторичной. Уже географическое распространение этой звонкости свидетельствует о возникновении ее под влиянием соседних языков — русского и латышского. ¹² Никакого сомнения в этом отношении не может быть прежде всего по поводу отдельных южноэстонских говоров, вся структура которых подверглась сильному влиянию русского или соответственно латышского языка. ¹³ А, например, в вепском языке озвончение шумных, как и сокращение двойных глухих смычных, явно произошло позднее, чем характерное для этого языка выпадение гласного второго открытого слога, если первый слог был длинный. Л. Кеттунен пишет: «...если бы уже во время потери гласного [е второго слога] сказали, например, *oigedan ['посылаю, направляю'], то мы, наверно, имели бы в настоящее время *oigdan [а в действительности имеем oiktan]. Следовательно, говорили *oiketän...» ¹⁴ (или же: *oikeŋän). А насчет сокращения двойных смычных мы имеем *tutpad* 'знакомые' (а не *tutabad) < *tuttapat ¹⁵ (или же: < *tuttaŋat), *ak* 'старуха' (а не *aka) < *akka ¹⁶ и т. д., так как потеря гласного второго слога происходила только тогда, когда первый слог был длинным (ср. с сохранением гласного после короткого слога: *maga-dab* 'спит', *sada* 'сто' и т. д.).

Что же касается трех вышеупомянутых теорий в целом, то может быть небесполезно рассмотреть вопросы, требующие дополнительного анализа до предпочтения той или иной теории. При этом станет очевидным, что многие факты легче объяснить на базе старой, классической теории, чем второй и особенно третьей.

1. Более подробного изучения, с точки зрения смычных в середине слова, требуют старые заимствования в финно-угорских языках. ¹⁷ Среди различных заимствований следует обратить особое внимание на слова индоиранского происхождения типа слова со значением 'сто': фин. *sata*, венг. *száz* и т. д. (см. в начале статьи примеры второй группы). ¹⁸

¹¹ Т.-Р. Viitso, *Tüvelisest astmevaheldusest*, стр. 58.

¹² Ср., напр., Р. Ariste, *Läänemere keelte sõnasiseste üksiksulghäälikute olemusest*, стр. 428.

¹³ Ср. L. Kettunen, *Eestin kielen äännehistoria*, Helsinki 1962, стр. 28.

¹⁴ L. Kettunen, *Lõunavepsa häälik-ajalugu I. Konsonandid*. — ACUT B II, 2, Tartu 1922, стр. 23.

¹⁵ L. Kettunen, *Lõunavepsa häälik-ajalugu II. Vokaalid*. — ACUT B III, 4, Tartu 1922, стр. 50.

¹⁶ L. Kettunen, *Lõunavepsa häälik-ajalugu I*, стр. 41.

¹⁷ Балтийские и германские заимствования проанализированы, с этой точки зрения, В. Штейницем: W. Steinitz, *Zur Periodisierung der alten baltischen und germanischen Lehnwörter im Finnischen*. — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, Jahrgang XIII* 1964 2/3, стр. 335—339; W. Steinitz, *Zur Periodisierung der alten baltischen Lehnwörter im Ostseefinnischen*. — *Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz*, Wrocław—Warszawa—Kraków 1965, стр. 297—303; W. Steinitz, *Die Konsonantenquantität im Finnougrischen*, стр. 504—505. Соответствующие взгляды В. Штейница подвергнуты критике Э. Итконеном: E. Itkonen, *Zur finnisch-ugrischen Lautforschung*, стр. 40.

¹⁸ Дополнительные слова, которые могут относиться сюда, приведены Э. Итконеном: E. Itkonen, *Zur finnisch-ugrischen Lautforschung*, стр. 40; ср. также E. N. Setälä, *A finn-ugor δ és δ'*. — *NyK XXVI* 1896, стр. 416—417.

Из какого конкретного индоиранского диалекта это слово пришло в финно-угорские языки, пока не установлено. Но принимаем здесь очень правдоподобную точку зрения, по которой в этом индоиранском диалекте в середине слова со значением 'сто' был глухой смычный (как и в санскритской форме *śata-*, а также в праиндоиранской **śata-*). По-видимому, совершенно разумно ожидать передачи индоиранского *t* в финно-угорских языках ближайшим финно-угорским соответствием **t*. А по второй или третьей из рассматриваемых нами теорий об истории финно-угорского консонантизма, финно-угорский **t* налицо именно не во второй, а в первой группе наших примеров. Значит, в настоящее время мы имели бы в финском языке не *sata*, а **satta*, в венгерском языке не *száz*, а **szát* (ведь, по В. Штейницу, прафинно-угорский **t* дал в финском *tt*, а в венгерском *t*). В действительности же мы имеем странное явление: индоиранский глухой смычный *t* как будто передан в финно-угорских языках не глухим смычным **t*, а звонким щелевым **ð* (или, исходя из второй теории, звонким смычным **d*) и на этой основе возникли фин. *sata* и венг. *száz*. Спрашивается: почему индоиранский *t* передан в финно-угорских языках **ð*? Ответа нет. Между прочим еще Э. Н. Сетяля — хотя он в 1891 г. стоял на позиции нашей второй теории, как мы видели, — в 1896 г. указал, что консонантизм рассматриваемого заимствования легче всего объясняется принятием **t* в финно-угорской праформе (т. е. по первой теории).¹⁹

В порядке небольшого экскурса заметим, что, по В. Штейницу, предполагаемые им финно-угорские **t* и **k* (**t̥* и **k̥*; по классической теории — **tt* и **kk*) вообще редко встречались между гласными (внутри слова) и что, «по-видимому, нет ни одной хорошей этимологии, засвидетельствованной изо всех (или из самых важных) финно-угорских языков по финно-угорскому **t* между гласными.»²⁰ И правда, в то время как для финно-угорского лабиального интервокального **pp* (по В. Штейницу, **p* или **p̥*) имеются бесспорные этимологии типа фин. *sappi*, венг. *epe*, то по поводу финно-угорских **tt* и **kk* (по В. Штейницу, **t*, **k* или **t̥*, **k̥*) уже Б. Коллиндер высказался с известной осто-

¹⁹ E. N. Setälä, A finn-ugor *ð* és *ð'*, стр. 416. В своем докладе на конгрессе в Хельсинки в августе 1965 г. В. Штейниц (W. Steinitz, Die Konsonantenquantität im Finnougrischen, стр. 507) сказал: «В случаях типа фин. *sata* ~ *sadan* я исхожу из финно-угорского **ð* (как уже отмечено в моей истории финно-угорского консонантизма). Мне возражали, подчеркивая арийское происхождение слова **śata* с **t̥*» (по личному сообщению В. Штейница, он был во время написания своего доклада уже знаком с тезисами доклада В. Халлапа на состоявшейся в Сыктывкаре в июне 1965 г. конференции; ср. также Е. Itkonen, Zur finnisch-ugrischen Lautforschung, стр. 40; у В. Штейница нет ссылки также на Э. Н. Сетяля). По В. Штейницу (W. Steinitz, Die Konsonantenquantität im Finnougrischen, стр. 507—508), финно-угорское слово со значением 'сто' могло быть заимствовано из скифского языка, где глухие смычные между гласными перешли в звонкие смычные (напр., *Sadagaroi* 'Bewohner der 100 Hügel'). Но Э. Итконен оспаривает точку зрения В. Штейница, указывая на то, что в скифском языке **ś* перешел в *s* и поэтому финно-угорское 'сто' (**śata* со смягченным *ś* в начале слова) не может быть скифского происхождения, см. Е. Itkonen, Zur finnisch-ugrischen Lautforschung, стр. 41. Некоторые ученые считают, что прафинно-угорской формой слова 'сто' могла быть и **śata*, см., напр., B. Collinder, An Introduction to the Uralic Languages, стр. 78.

²⁰ W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus, стр. 25; о редкой встречаемости **k* между гласными см. там же, стр. 19; ср. также: W. Steinitz, Die Konsonantenquantität im Finnougrischen, стр. 502 и сл. (напр., на стр. 503: «... между гласными встречались нормально звонкие щелевые, а глухие смычные — почти только в словах экспрессивного характера»).

рожностью, указывая на то, что соответствующие этимологии слишком малочисленны и не совсем ясны или достоверны.²¹

Что касается финно-угорского *tt (по В. Штейницу, *t или **t̥*), то В. Штейниц пишет: «... в одних языках встречается соответствие первоначального *t [т. е. по классической теории, *tt], а в других — первоначального *ð [т. е. по классической теории, **t̥*]». ²² Примерами этого служат, конечно, известные слова 'пять' и 'шесть'. Все восточные финно-угорские языки указывают здесь на первоначальную более сильную серию смычных (по классической теории, *tt): эрз. *óete*, *koło*, венг. *öt*, *hat* и т. д., но в прибалтийско-финских языках встречается соответствие смычных более слабой серии (по классической теории, **t̥*): фин. *viisi*, *viite-*, *kuusi*, *kuute-* (ср. в случае лабиального смычного — двойной *pp*, как в слове *sappi*). С этими словами связаны осложнения также в саамском языке.²³

Тем не менее не исключена возможность, что удастся объяснить сегодняшнее положение вещей в части смычных этих важных слов в западных финно-угорских языках как результат вторичного развития, происшедшего в определенных специфических условиях. А именно, если исходить из праформ *vitte, *kütte, то, возможно, они были единственными корнями в финно-угорском праязыке, где за долгим гласным следовал двойной смычный.²⁴ Такое исключительное положение этих слов могло служить основой для сокращения или гласного элемента (*vitte > *vitte, *kütte > *kutte)²⁵, или следующего за ним согласного элемента (*vitte > *vitte; *kütte > *küte). Это могло произойти или путем закономерного звукового развития или же путем какой-либо аналогии (например, от слова *vitte аблатив-партитив был *vitt-tä, т. е. *vit-tä, откуда могла абстрагироваться новая основа с единичным смычным: *vitte).

²¹ В. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, стр. 79, 82—83; ср. также В. Collinder, An Introduction to the Uralic Languages, стр. 84 («В прауральском и прафинно-угорском языках могли существовать двойные смычные. Примеры: фин. *rakas* [rakaa-], *sappi*). Материал по этимологиям с предполагаемыми финно-угорскими двойными смычными приведен Э. Итконеном: Е. Itkonen, Zur finnisch-ugrischen Lautforschung, стр. 33—34. Ср. также Р. Hajdú, Bevezetés az uráli nyelvudományba, стр. 45.

²² W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus, стр. 25.

²³ E. N. Setälä, A finn-ugor *ð* és *ð'*, стр. 411—412 и 427—428; P. Ravila, Das Quantitätssystem des seelappischen Dialektes von Maattivuono, Helsinki 1932, стр. 100—101; В. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, стр. 82 и др. (в одних диалектах нерегулярное чередование ступеней *t̥t* — *d*: *vit'ta* — *vida* 'пять', в других диалектах соответствие слабой серии согласных). По К. Бергсланду, в словах 'пять' и 'шесть' приходится исходить из первоначального сочетания согласных: *viite (и *kuote), см. К. Bergsland, Suomen *hiisi*. — Vir. 1964, стр. 244, подстрочное примечание 6. Э. Итконен подвергает точку зрения К. Бергсланда критике и предполагает, по-видимому, что в прафинно-угорском языке существовали параллельно формы *vitte и *vitte, *kutte и *küte, см. Е. Itkonen, Zur finnisch-ugrischen Lautforschung, стр. 15—16, 22 и сл.

²⁴ По Э. Итконену, после долгих согласных в общем не стояли долгие согласные или сочетания согласных, см. Е. Itkonen, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, стр. 270. Но во всяком случае надо иметь в виду, что сочетания указанного типа могли встречаться на стыке морфологических частей слова; ср. также W. Steinitz, Die Konsonantenquantität im Finnougrischen, стр. 502—503.

²⁵ Напр., морд. *óete* 'пять' и *koło* 'шесть' возводятся Э. Итконеном именно к домордовским исходным формам с коротким гласным: *vitte, *kutte, см. Е. Itkonen, Zur finnisch-ugrischen Lautforschung, стр. 17.

2. Как уже отмечалось, по В. Штейницу, более сильная серия рассматриваемых согласных — в его теории это были единичные смычные *p, *t, *k (**p̥*, **t̥*, **k̥*) — встречалась очень редко между гласными; напротив, самой обычной между гласными была более слабая серия — в его теории *w, *δ, *ɣ. Но при этом очень странно, что в случае сочетаний двух согласных между гласными современные финно-угорские языки не указывают на звонкие сочетания *ɣδ (*gd), *δɣ (*dg) и т. д., а явно указывают на глухие сочетания *kt, *tk, *pt и т. д. Например: (*kt:) фин. *kaksi, kahte* 'два', саам. *guoktē*, морд. *kavto, kafta* (а не *kavdo или что-нибудь подобное, ср. *šado, šada*), мар. *koktāt* (а не *koγōdt или что-нибудь подобное, ср. *šūdō* 'сто'), удм. *kik, kikt-*, коми *kik*, манс. *kif*, хант. *kaŋ*, венг. *két, kettő* (ср. Y. H. Toivonen, Suomen kielen etymologinen sanakirja I, Helsinki 1955).²⁶ На основе классической теории вопрос решается очень просто и естественно: наряду с двойными смычными *pp, *tt, *kk в финно-угорском праязыке существовали глухие единичные смычные *p, *t, *k (а также сибиланты *s, *ś, *š, ? *ṣ̌*), которые во многих финно-угорских языках в положении между гласными превратились в звонкие (это самый обычный фонетический процесс!), а свою глухость сохранили в соседстве с другими глухими согласными (это тоже естественное фонетическое явление!).²⁷

Правда, в мордовских языках в некоторых случаях на стыке морфем встречаются и сочетания двух звонких смычных (а также сочетания звонкого сибиланта с звонким смычным), но эти формы имеют, вероятно, более позднее происхождение или подверглись действию аналогии, например, формы пролатива эрз. *ved-ga*, мокш. *ved-ge* от *ved* 'вода' (ср. *vir-ga, vir-ge, var-ge* от *vir* 'лес' и т. д.).²⁸ С другой стороны, можно упомянуть, например, формы аблатива типа эрз. *kurk-to*, мокш. *kurk-ta* от *kurgo, kurga* 'рот', эрз. *paŋk-to*, мокш. *paŋk-ta* от *paŋgo, paŋga* 'гриб' (с окончанием *-to, -ta*, хотя после гласного встречается окончание *-do, -da*: эрз. *moda-do*, мокш. *moda-da* от *moda* 'земля').

3. Если согласно второй или третьей теориям, в более слабой серии согласных мы исходили бы не из глухих смычных *p, *t, *k, а из звонких смычных *b, *d, *g или из звонких щелевых *w, *δ, *ɣ, то можно было бы ожидать на стыке двух морфем — в случае присоединения окончания к согласному основы — также звонкую геминату, например *dd* или *δδ*. В действительности же в таких случаях мы имеем обычно глухую геминату. Например: мар. *pi-t-tà* '(вы) связывали' (а не *pi-δ-dà*, несмотря на то что в других случаях *δ* встречается и в основе и в окончании, ср. *pi-δ-δ-m* '(я) связывал', а также *š-δ-d-δ*. (*pit*) '(вы) не (связы-

²⁶ Насчет дополнительных примеров на *kt, *tk, *pt, *kp (?), а также *kč, *čk, *ké, *čk, *čt (?), *kš, *pš, *šk см. В. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, стр. 83—105.

²⁷ Здесь, может быть, полезно напомнить, что в мордовских языках сибиланты являются глухими (т. е. сохранили свою глухость!) даже перед звонкими согласными, напр.: *lišme* 'лошадь' (ср. фин. *lehmä* 'корова'), *rišme* 'цепь' (ср. фин. *rihma* 'нитка'), *kašoms* 'расти' (ср. фин. *kasvaa* 'расти'); ср. P. Ravila, Onko viro painotukseltaan voimakkaasti sentraalistunut kielimuoto? — Vir. 1936, стр. 212, подстроичное примечание; E. Itkonen, Zur finnisch-ugrischen Lautforschung, стр. 38. Ср. между прочим также эрз. *kañt-ñe-ms, kañt-le-ms* (многократные глаголы от *kandoms* 'носить, приносить'). эрз. *kitneŋms* 'смеяться', мокш. *kiñneŋms* 'чесаться, зудеть' и т. д.

²⁸ Ср. также Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск 1953, стр. 22—23.

вали)'; о приведенных примерах см. Y. Wichman, Tscheremissische texte mit wörterverzeichnis und grammatikalischem abriß, Helsinki 1953, стр. 118 и 121); морд. аблатив *úel̄-te, úel̄-te* (с глухим двойным смычным, хотя в номинативе той же основы *úed* 'вода' и в генитиве *úede-ñ, úeda-ñ* имеется звонкий *d̄*, как и в том же окончании аблатива после гласного имеется звонкий *d̄*: *úele-de, úele-de* от слова *úele* 'село').²⁹ В формах типа *úette, úette*, а также *kefte, kefte* от *ked, ked* 'рука' при соединении окончания прямо к согласному основы может иметь весьма старые корни, ср. фин. партитив *vet-tä* от *vete-* (*vesi* 'вода'), *kät-tä* от *käte-* (*käsi* 'рука'); лив. *kättä* от *kädu-* (*keiz* 'рука'; ср. L. Kettunen, Hauptzüge der livischen laut- und formengeschichte, Helsinki 1947, стр. 61 и 57); вепс. *vet* от *vede-* (*vezi* 'вода'; ср. L. Kettunen, Lõunapervsa häälik-ajalugu I, стр. 52; II, стр. 36), *kät* от *käde-* (*käzi* 'рука'; ср. L. Kettunen, указ. раб. I, стр. 48).³⁰

В то же время мордовские двойные смычные (на стыке морфем) более позднего происхождения, представляющие собой результат вторичного развития отдельных диалектов, являются звонкими. Например: мокш. (с. Палаевка) *madda* 'ложитесь (спать)' (< *madäda, ср. в с. Новая Потьма *madäda; madäms, madmäms* 'ложиться (спать)'), *udde* '(вы) спали' (< *udäde, ср. эрз. *udide; udäms, udoms* 'спать'). (По поводу выпадения соединительного гласного в говоре с. Палаевка на стыке морфем между одинаковыми согласными ср. также: с. Палаевка *mollän* '(я) пошел бы', с. Новая Потьма *molälj*; с. Палаевка *azže* '(он) сказал (это)', с. Старое Шайгово *azže* и т. д.). Что касается упомянутого Э. Н. Сетяля аблатива мокш. *kutta*, т. е. *küta* от *kud* 'дом', эрз. *kudodo* от *kudo*³¹ (первоначальная основа на *a*, ср. фин. *kota* 'юрта, хижина', партитив *kotaa* < *kotaa), то здесь глухость двойного смычного может оказаться результатом действия аналогии других мокшанских слов такой же структуры: *úette* от *úed* 'вода', *kefte* от *ked* 'рука' и т. д. Правда, в области сибилантов, по-видимому, также встречаются отдельные случаи, где после позднего выпадения соединительного гласного из звонких сибилантов возникла глухая гемината, например эрз. *pala-šo, -šso, -zazo* 'пусть он поцелует его' (ср. H. Raasonen, Mordwinische chrestomathie, Helsingfors 1909, стр. 016).³²

Приходится между прочим признать, что хотя глухость смычных в мордовских формах типа *úette, úette, kefte, kefte*, как мы видели, вероятно, имеет весьма древние корни, то сверхдолготу смычных (сверхдолгие геминаты!) следует, исходя из классической теории, считать результатом вторичного восстановления границы между морфемами. Фонетически закономерной была бы не форма *úette*, а *úete* (*t̄* < *tt) (ср. вепс.

²⁹ По поводу мордовских языков ср. также уже E. N. Setälä, A finnugor ő és ő', стр. 424. Об аналогичных явлениях в хантыйском языке см. W. Steinitz, Die Konsonantenquantität im Finnougrischen, стр. 503.

³⁰ Ср. A. Bussenius, Zur ostseefinnischen Morphologie: Stammesalternation im Ostseefinnischen, Berlin und Leipzig 1939, стр. 43—44; ср. сейчас также P. Alvre, Läänemeresoome **de-*, **de-noomenite tüvedest*. — ESA 14—15 1968—1969, стр. 165—166.

³¹ E. N. Setälä, A finnugor ő és ő', стр. 424; ср. также P. Alvre, Läänemeresoome **de-*, *de-noomenite tüvedest*, стр. 165.

³² Ср. А. А. Шахматов, Мордовский этнографический сборник, Санкт-Петербург 1910, стр. 745.

vet, *kät!*), т. е. мы имели бы совпадение с формой *vetē* 'пять'.³³ А что это действительно так, подтверждается тем, что в некоторых аналогичных случаях на самом деле сверхдолгая гемината отсутствует или встречается факультативно. Например: мокш. *maḷāms* (а не *maī-tā-ms*) 'уложить (спать); тушить' от *maḍāms* 'лечь; тухнуть'.³⁴ Особенно характерно это явление для эрзянского языка. Ф. П. Марков пишет о приалатырском диалекте эрзя-мордовского языка, что долгие (двойные) согласные «сохраняются только в тех случаях, когда их отсутствие может вызвать путаницу в смысле или вообще разрушение смысла», например, *орттан* 'я выброшу — тебя', ср. *ортан* 'я бросаю'. «Они также обязательны в том случае, если требуется отграничить одну форму от другой, например: *вет'е* (пять) и *вет'т'е* (воды), но говорят: *кет'е* и *кет'т'е* (за руку), *сэт'е* и *сэт'т'е* (о мосте)». ³⁵

4. В полном согласии со сказанным в 2 и 3, с точки зрения классической теории, очень просто объясняется следующее явление в марийском языке: *kit* 'рука' (с глухим смычным в конце слова!) — генитив *kīdān* (с звонким щелевым внутри слова!) (ср. Y. Wichmann, *Tscheremissische texte mit wörterverzeichnis und grammatikalischem abriß*, стр. 113). А именно: в положении между гласными первоначальный глухой смычный превратился в звонкий щелевой, а в конце слова — остался глухим смычным.

Сравнение мар. *kit* (глухой смычный в конце слова) с морд. *ked*, *ked* 'рука' (звонкий смычный в конце слова, как и в генитиве *kedēn*, *kedān*) указывает на возможность того, что в марийском языке гласный в конце слова выпал (> *kit*) до озвончения и спирантизации смычного внутри слова (> *kīdān*), а в мордовских, наоборот, озвончение смычного внутри слова (> **kādā*, **kādān*) произошло до выпадения гласного в конце слова, т. е. до того, как смычный в номинативе попал в конечное положение.³⁶

При этом интересно сравнить мордовские первоначальные двусложные основы типа *ked*, *ked* (ср. фин. *käsi*, *käte-*) или *kuz* 'елка' (ср. фин. *kuusi*, *kuuse-*) с первоначальными трехсложными основами типа мокш. *veñās* 'лодка' (ср. фин. *vene*, *venee-* < **venehe-*, диал. *veneh*, а также вепс. *veñeh*, *veñhe-*: L. Kettunen, *Lõunavepsa häälik-ajalugu I*, стр. 87 и 84). Предполагают, что в двусложных основах, оканчивающихся на **e*, в номинативе первоначально был гласный в конце слова (**käte*), а в трехсложных основах в номинативе в конце слова первоначально гласного не было (**veneh* < **veneš*; **venehe-* < **veneše-*). Если принять эту хорошо обоснованную точку зрения, то, по П. Равила, «вышеупомянутые мордовские отношения объясняются очень естественным образом. Например, в слове *kuz* 'елка' изменение *s* > *z* произошло еще в положении между гласными, до исчезновения конечного гласного.

³³ Ср. также Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, стр. 29. По В. Штейницу, форма *vetē* является фонетически закономерной, см. W. Steinitz, *Die Konsonantenquantität im Finnougrischen*, стр. 503. Э. Н. Сетяля (E. N. Setälä, *A finn-ugor δ és δ'*) этой проблемы не затрагивает.

³⁴ Ср. V. Hallar, *Verbaaltuletussufiksidi mordva keeles (ühimordva keeles esinenud sufiksidi)*. Dissertatsioon filoloogiateaduste kandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks, Tallinn 1955, стр. 124, 132 (рукопись в Научной библиотеке Академии наук Эстонской ССР).

³⁵ Ф. П. Марков, Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка. — Очерки мордовских диалектов I, Саранск 1961, стр. 28; ср. также А. А. Шахматов, Мордовский этнографический сборник, стр. 744.

³⁶ В отношении мордовских языков см. P. Ravila, *Lisä mordvan äännehistoriaan*. — Vir. 1944, стр. 421.

А в случае *úeňǎš š* сохранился глухим, так как он с самого начала стоял в конце слова». ³⁷ Конечно, при противопоставлениях типа *kuz* — *úeňǎš* мы имеем дело не со смычными, а с сибиллянтами (а, по В. Штейницу, сибиллянты были глухими уже в финно-угорском праязыке). Но сюда же могут относиться некоторые морфологические элементы, в конце которых первоначально гласного не было, например признак множественного числа *-t, -f*: эрз. *lišme-f*, мокш. *lišmā-t* от эрз. *lišme* 'лошадь', мокш. *lišme* 'конь'; а также эрз. *китъ*, мокш. *кит* от эрз. *ки*, *кие*, мокш. *кие* 'кто' (ср. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков I. Фонетика и морфология, Саранск 1962, стр. 273). Мордовские же слова, в которых смычный в конце второго, конечного слога является частью самой основы, относятся к сравнительно поздним заимствованиям, например, *tarat* ~ *tarad* 'ветвь', мокш. *kagāt* ~ *kagād* 'бумага', *jarماك* 'монета' и др. ³⁸ А что же касается происхождения конечного звонкого *ž* в марийских словах типа *rāββž* 'лиса' (ср. эрз. *ri'véš* 'лиса'), то Э. Беке показал, что в марийском языке как между гласными, так и в конце слова *š > ž*. ^{38a}

5. Странники теории В. Штейница могут приводить аргумент статистического рода, а именно, могут подчеркивать, что в настоящее время двойные смычные в основе слова засвидетельствованы все-таки только в прибалтийско-финских и саамском языках, а в большинстве финно-угорских языков их фактически нет.

В действительности же следы двойных смычных (не на стыке морфем) сохранились и в мордовских языках. В некоторых мокшанских диалектах, например в с. Палаевка Рузаевского района (где автор настоящей статьи собирал лингвистический материал и делал звукозаписи в 1958, 1959, 1960 и 1962 гг.), часть населения, в особенности женщины, которые менее знакомы с русским языком, произносят глухие смычные в позиции между звонким звуком и гласным как короткие геминаты: *pp, tt, kk*. Например, в слове *koitta* (*koī'ta*) 'шесть' смычный между гласными может ничем не отличаться от смычного в эстонской форме генитива *koitā* (*koī'tā*, в орфографии *kota*) от слова *koī* (в орфографии *kott* 'опорки (ед. ч.)': очень короткий предшествующий гласный с внезапным окончанием; сильное, слышное начало смычного (*fester Anschluß*); ясная граница слога в середине смычного элемента. А у другой части населения переход от гласного к следующему смычному совершается более постепенно, предшествующий гласный имеет растянутое, затихающее окончание, начальная часть следующего согласного произносится вяло и создается впечатление границы слога перед согласным: *kō'ā*, точнее *kō^o'ā* (*kō^o'ā*) (*loser Anschluß*, как и в русском языке в родительном падеже *кота* от слова *кот*). ³⁹

При этом очень важно учитывать тот факт, что упомянутый второй вариант произношения встречается в первую очередь у мужчин и молодых людей, хорошо знакомых с русским языком. Это свидетельствует о том, что второй вариант произношения является вторичным, объясняется как результат влияния русского языка.

³⁷ P. Ravila, *Lisä mordvan äännehistoriaan*, стр. 421.

³⁸ Cp. H. Paasonen, *Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen*. — JSFOu XV, 2 1897.

^{38a} Ö. Beke, *Cseremisiz nyelvtan*, Budapest 1911, стр. 86—87.

³⁹ Cp. V. Hallap, *Phonological Problems of the Moksha-Mordvin Language*. — CSIFU I, стр. 165.

Отметим, что двоякий переход от гласного к согласному встречается также у глухих щелевых и в случае аффрикат и сочетаний согласных. Например: *koša* (*kò^zsa*) ~ *košša* (*koš^ssa*) 'где', *malaššst* (*mala^zsšst*) ~ *malašsšst* (*malaš^ssšst*) 'близко к ним', *kufšu* (*kü^{D^u}šu* ~ *ku^u^ššu*) 'ложка' (ср. эст. слово *kutsu* 'собаченька', транскрибируемое традиционно *kufšü*, но фактически: *ku^u^šsü*), *vatrakš* (*vã^{D^t}rakš* ~ *va^t^rakš*) 'лягушка', *šolksan* (*šól^{G^ks}än* ~ *šól^k^sän*) '(я) закрою (ero)'.⁴⁰

Уже Х. Паасонен охарактеризовал мордовские глухие смычные между звонким звуком и гласным, как «короткие геминаты». ⁴⁰ Во втором издании своей исторической фонетики он говорит о «геминатах, оба компонента которых являются короткими», и транскрибирует прямо: *kotta*, *korttams* 'говорить', *tejtter* 'дочь'. ⁴¹

Правда, позднее (в 1909 г.) Х. Паасонен транскрибирует уже — без всяких комментариев —: *koïa* (*koïã*). ⁴² В финно-угорской транскрипции *ï* обозначает полудолгий единичный гласный. В 1911—1912 г. Й. Синней пишет, что несколько лет тому назад Х. Паасонен сообщил ему в личном письме, что упомянутые смычные все-таки не геминаты, а полудолгие единичные смычные. ⁴³ Здесь мы имеем дело с переоценкой, сделанной Х. Паасоненом через несколько лет после завершения его последнего путешествия к мордвинам (в 1901 г. ⁴⁴) и уже не имеющей решающего значения. Очень возможно, что Х. Паасонен слышал в Мордовии как произношение с геминатой, так и с единичным шумным, а позднее, уже не доверяя своей памяти, решил вопрос упрощенно в пользу единичного шумного.

Д. В. Бубрих также пишет, что глухие смычные и щелевые «в некоторых диалектах звучат продленно» (как показывают приведенные им примеры: *мазын'ка* 'красивенький', *пэкэ* 'живот', *кундатомс* 'быть поиманным', *лато* 'навес', *сэпэ* 'желчь' и др., Д. В. Бубрих имеет в виду эрзянские диалекты(?)). ⁴⁵ А в грамматике мордовских языков 1962 г. говорится: «У мокши все глухие шумные, т. е. *п*, *т*, *т'*, *к* и *с*, *с'*, *ш*, *ц*, *ц'*, *ч* могут выступать в несколько удлинённых вариантах... Указанное удлинение представлено в положении между двумя звонкими фонемами (из которых обе или одна являются слоговыми)». Например: *с'änä* 'желчь', *кота* 'шесть', *тоса* 'там', *оц'у* 'большой' и т. д. ⁴⁶ Очень возможно, что и здесь термины «продленный» или соответственно «удлинённый» надо понимать в смысле геминации. Например, в последней упомянутой работе говорится, что «поскольку она (=удлинение) касается смычных и аффрикат, удлиняется только доразрывная часть смыка». ⁴⁷ Не совсем понятно только предложение там же: «Удлинение

⁴⁰ H. Paasonen, *Mordvinische lautlehre*, Helsingfors 1893.

⁴¹ H. Paasonen, *Mordvinische lautlehre* (= MSFOu XXII), Helsingfors 1903, стр. VI.

⁴² H. Paasonen, *Mordwinische chrestomathie mit glossar und grammatikalischem abriß*, Helsingfors 1909, стр. 83.

⁴³ Р. Кемелес, [Рецензия на работу А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник»]. — *НУК* XLI 1911—12, стр. 106 (подстрочное примечание редактора журнала Й. Синней).

⁴⁴ H. Paasonen, P. Ravila, *Mordwinische Volksdichtung. I Band* (= MSFOu LXXVII), Helsinki 1938, стр. XI, XV—XVI.

⁴⁵ Д. В. Бубрих, *Историческая грамматика эрзянского языка*, стр. 26.

⁴⁶ *Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков I. Фонетика и морфология*, Саранск 1962, стр. 26—27.

⁴⁷ Там же, стр. 26.

не всегда достигает того, что называется полудолготой». Возможно, что авторы (исходя из русского произношения) понимают под «полудолготой» нечто иное, чем это обычно принято в финно-угроведении.⁴⁸

В структуре мордовских языков можно обнаружить признаки того, что глухие шумные на самом деле приравняются к сочетаниям согласных, функционируют на равных правах с последними. Например, с одной стороны, Д. В. Бубрих прямо указывает на такую параллельность в случае выпадения конечного гласного основы при присоединении падежных окончаний как после сочетаний согласных, так и после глухих смычных: не только *панксо* (*панго* 'гриб'), *эр'ксэ* (*эр'ке* 'озеро'), *с'эл'мсэ* (*с'эл'мэ* 'глаз') и т. д., но и *пэксэ* (*пэкэ* 'живот'), *з'эпсэ* (*з'эпэ* 'карман') и т. д.; при этом *судосо* (*судо* 'нос') и т. д.⁴⁹

С другой стороны, в раннем прамордовском языке в двусложных именах, соответствия которых в финском языке имеют основу на *e*, в номинативе конечный гласный в общем выпал, если этому гласному предшествовал короткий единичный согласный: *véd* 'вода' (~ фин. *vesi*, *vete*-), *ked*, *keä* 'рука' (~ фин. *käsi*, *käte*-), *nal* 'стрела' (~ фин. *nuoli*, *nuole*-), *jur* 'корень' (~ фин. *juuri*, *juure*-) и т. д. Однако конечный гласный сохранился как после первоначальных сочетаний согласных (за исключением сочетаний на *s* и *š*), так и, по-видимому, после глухих смычных (< геминат): *olgo* 'солома' (~ фин. *olki*, *olke*-), *kenäže*, *keñd'žē* 'ноготь' (~ фин. *kynsi*, *kynte*-), *undo*, *unda* 'дупло' (~ фин. *onsi*, *onte*- 'полюй; дуплистый; дерево с дуплом'); *véte*, *véteē* 'пять' (фин. *viisi*, *viite*-), *koto*, *koła* 'шесть' (~ фин. *kuusi*, *kuute*-).⁵⁰

6. По теории В. Штейница, у предполагаемого им *w имеются в прибалтийско-финских и саамском языках два соответствия: в одних словах *p* (см. пример 2а в начале статьи: фин. *repo* и т. д.), а в других *v* (см. пример 3а в начале статьи: фин. *kivi* и т. д.).⁵¹ В. Штейниц не дает никакого объяснения этому странному явлению. Но в рамках нашей первой (а также второй) теории этой проблемы не существует вообще: первые упомянутые слова отражают первоначальный *p (по второй теории, *b), а вторые слова — первоначальный *β (*w).

7. У В. Штейница фигурируют фонемы *δ (= в классической теории *t; см. пример 2б в начале статьи), *δ*² (= в классической теории *δ; см. пример 3б в начале статьи) и **δ'* (как и в классической теории). Остается до известной степени открытым вопрос о том, как могли бы фонетически реализоваться предполагаемые *δ и *δ*², чтобы они действительно отличались друг от друга. Разве что так, как предполагал «mit allem Vorbehalt» В. Штейниц: **[δ]* и **[δ]*, учитывая, конечно, существование третьей фонемы **δ'*?⁵²

Между прочим В. Штейниц выразил осторожное сомнение в существовании *δ*² и *δ'* вообще,⁵³ но это сомнение находится в резком противоречии с общепринятой точкой зрения, хорошо обоснованной Э. Н. Се-

⁴⁸ Между прочим, по-видимому, и в хантыйском языке встречается произношение глухих смычных между гласными (из которых вторым является *ə*) в виде геминат; ср. W. Steinitz, Die Konsonantenquantität im Finnougrischen, стр. 503—504.

⁴⁹ Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, стр. 27, 13.

⁵⁰ Ср. E. Ikonen, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen, стр. 296.

⁵¹ W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus, стр. 38, 25.

⁵² Там же, стр. 37.

⁵³ Там же, стр. 15, 37.

тяля⁵⁴ (о различии *t и *δ или, по В. Штейницу, соответственно *δ и **δ*², ср. особенно саамские слова 'сто' и 'мозг' в примерах 2б и 3б в начале статьи).

8. В последнем варианте своей теории В. Штейниц говорит о первоначальной полудолготе только в связи с глухими смычными (**p̥*, **t̥*, **k̥*). В отношении сибилантов мы не находим у него никакого уточнения. Была ли возможна система, где глухие смычные между согласными произносились полудолгими, а глухие сибиланты — короткими? (Например, мордовские и прибалтийско-финские языки показывают, что глухие смычные и глухие сибиланты развивались в значительной степени параллельно). А если наряду с глухими смычными полудолгими были и сибиланты (*š и т. д.), то может возникнуть вопрос: почему в прибалтийско-финских (а также саамском) языках полудолгие глухие **p̥*, **t̥*, **k̥* удлиннились в геминаты *pp*, *tt*, *kk* (*sappi* и т. д.), но в то же время полудолгие глухие сибиланты превратились в короткие? Почему мы имеем фин. *pesä* 'гнездо', а не *pessä*?

VALMEN HALLAP (Tallinn)

SINGLE AND GEMINATE STOPS IN THE FINNO-UGRIC LANGUAGES

Three theories exist concerning the history of the intervocalic consonants in the Fenno-Ugric languages:

Finnish	Theory I	Theory II	Theory III
1. <i>sappi</i> ... (etc.) <	* <i>pp</i> , * <i>tt</i> , * <i>kk</i>	* <i>p</i> , * <i>t</i> , * <i>k</i>	* <i>p</i> , * <i>t</i> , * <i>k</i>
2. <i>repo</i> ... (etc.) <	* <i>p</i> , * <i>t</i> , * <i>k</i>	* <i>b</i> , * <i>d</i> , * <i>g</i>	* <i>ω</i> , * <i>δ</i> , * <i>γ</i>
			↑ ↓
3. <i>kivi</i> ... (etc.) <	* <i>β</i> , * <i>δ</i> , * <i>γ</i>	* <i>β</i> (* <i>ω</i>), * <i>δ</i> , * <i>γ</i>	* <i>ω</i> , * <i>δ</i> ² , * <i>δ</i> '

There are many questions of detail requiring a thorough analysis before we can definitively accept one or another of the three theories. But it is clear that at least some of these questions may find a simpler solution if we operate within the framework of the first, classical theory.

1. The Fenno-Ugric word for 'hundred' was borrowed from an Indo-Iranian language. If in this language there was indeed a voiceless stop *t* in the word for 'hundred' (as in the Sanskrit form *śata-*), then, from the standpoint of our second and third theories, it is difficult to explain why the Indo-Iranian voiceless *t* was in the Fenno-Ugric languages rendered by the voiced *δ or *d (> Finnish *sata*, Hungarian *száz*, etc., according to these theories) but not by the nearest corresponding Fenno-Ugric sound *t.

2. In the Fenno-Ugric languages there have clearly been no old clusters of voiced spirants (or voiced stops) *γδ, *δγ, *βδ, etc. (or *gd, *dg, *bd, etc.). Instead, clusters of voiceless stops *kt, *tk, *pt, etc. are very common.

3. At the boundaries of the morphological components of words there have clearly been no old voiced geminate spirants (or voiced geminate stops) *δδ (or *dd). Instead, voiceless geminate stops *tt are quite common: the Mordvin *úef-te*, *úef-te* (cf. *úed* 'water'), etc.

4. From the standpoint of the first, classical theory it is very easy to explain the correspondence between the Cheremis forms *kit* 'hand' — *kīδm* (accusative): the voicelessness of the *t has been preserved, very naturally, at the end of the word.

⁵⁴ E. N. Setälä, A finn-ugor *δ* és *δ'*, стр. 377—437.

